

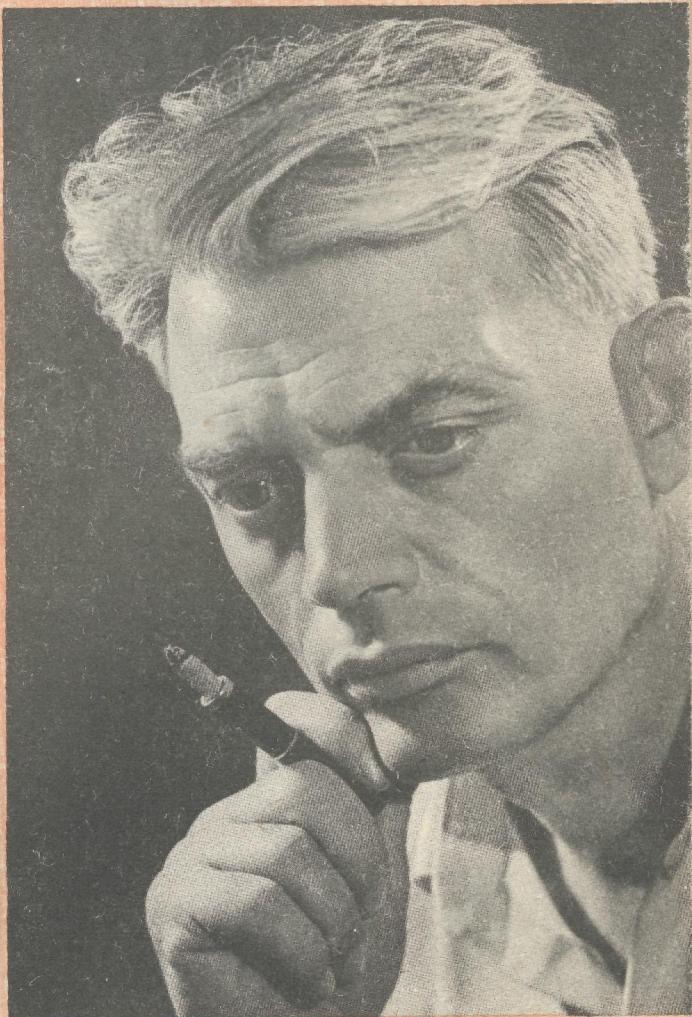
№22(596) 1967

Земля и люди
Союзхимиздат
Государственный
Университет
Константина
Андреева
Факультет
Природы
Делегат
Чехословацкого

Б. Балашов
Д. И. Маслов

АЛЕКСЕЙ ЧЕРКАСОВ

ХМЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА

АЛЕКСЕЙ ЧЕРКАСОВ ХМЕЛЬ

СКАЗАНИЯ О ЛЮДЯХ ТАЙГИ

ПОЛИНЕ МОСКВИТИНОЙ

Без твоего мужества в трудные годы, без твоего истинно творческого участия, когда мы вместе создавали замысел сказаний, вместе работали, переживали горечи неудач и счастливые минуты восторга, без такого творческого союза, друг мой, я никогда бы не смог написать сказаний о людях тайги.

НА ПУТНОЕ СЛОВО

Было так...

1941 год, на нану Октября. Напряженное ожидание чего-то важного, чрезвычайного, что должно произойти не сегодня завтра. Белые и красные флаги на географической карте столпились возле Москвы и вокруг Ленинграда. Каждое утро, после того как с телеграфа приносили в редакцию сводку Совинформбюро, мы собирались у карты, молчали и угрюмо расходились по своим углам; шли напряженные бои за Москву...

В один из таких дней в редакцию пришло довольно странное письмо из деревушки Подснеги, что близ Минусинска. Письмо попало ко мне. Я читал его и перечитывал, и все не мог уразуметь: о ком и о чем в нем речь? И что за старуха пишет в таком дреенем стиле:

«Вижу, яко зима хощет быти лютой: сердце иззябло и ноги задрожали. Всю Предтечину седьмицу тайно молюся,

чтоб сподобиться, и слышу глас господний. Время не приспе и анчихрист Наполеон у град Москвы белонаменной на той Поклонной горе, где повстречалась с ним малою горлинкой несмышленой, и разуметь не могла, что Москве гореть и сатана погибели быть. Да пожнет тя огнь, аще не заэришь спасения. Погибель, погибель будет. И лик Гитлеров распадется, яко тлен иль туман ползучий, и станет анчихрист Наполеон прахом и дымом...»

Вот и пойми: «Лик Гитлеров распадется, яко тлен или туман ползучий, и станет анчихрист Наполеон прахом и дымом...» И что за малая горлинка, которая виделась с Наполеоном? После нашествия Наполеона минуло сто двадцать девять лет!..

Письмо было большое, написанное с бунтой ять, с фитой, ижицей, прямым, онаменевшим почерком. Мы его называли «письмом с того света». Под письмом стояла подпись «Ефимия,

Алексей Черкасов

Дорогие читатели!
Когда я начал писать "Конь Рыжий" - сказание.
На обложке я написал
"Книга первая".
Надеюсь, что читатели
встречают мое творение с интересом.

Думаю, меня не повсюду, не подвергнут остроклизму - если и высажу некоторые общие соображения о языке современных художественных произведений, во всяком случае - тех, что мне приходилось читать и в издательстве "Советская Россия" и в других издательствах и редакциях...

Всякие, конечно, вещи попадались - и хорошие и плохие, но общее впечатление такое, будто наши прозаики (особенно молодые и среднего возраста) обучались русскому языку только по школьным и институтским программам, будто вся их энергия ушла на то, чтобы усвоить нормативную грамматику научиться писать грамотно... И идет потоком, словно с конвейера, "нормативная литература", написанная обезличенным, серым языком, каким в общем-то можно писать и заявления в домоуправление и докладные записки министру.

Какой-то "большой скандал" происходит с русским языком в современной художественной литературе! Язык - прямо на глазах - ~~исчреет~~, превращается в какой-то интеллигентский жаргон.

А народ ? - а народ продолжает разговаривать и писать по-своему. Он читает газеты, усваивает кое-что и из газетного языка, впитывает и другие влияния - но все равно разговаривает и пишет по-своему. Прочитайте письмо хотя бы, ежели уже настолько оглохли, что не в состоянии на слух уловить своеобразие народной речи, - и вы убедитесь, что язык писем тех, кого мы называем "народом", решительно отличается от современной нормативной литературной речи. Да, в этом языке

нет сплошь да рядом нормативной грамотности, но есть то, чего современным многим прозаикам и не снилось — красочность, лексическое богатство своеобразие и то чувство исторической преемственности, которое на чисто утеряно многими современными прозаиками...

А в общем-то ларчик, по-моему, просто открывается: многие современные прозаики просто плохо знают язык, "первоэлемент литературы", никогда серьезно его не изучали и не думают изучать, и не представляют — а что собою и на самом деле есть язык художественный.

И вот — когда из такой пыльной атмосферы обедненного, анемичного литературного говора попадаешь в атмосферу настоящего русского художественного языка, — ощущение такое словно из прокуренной редакционной комнаты вышел на сельский луг. Нет, там не одними только цветиками попахивает, скот пасется на лугу и навозом пахнет, и потом, но воздух! воздух! — дышал бы и не надышался, а простор какой вокруг!..

А — какой? "Безбрежный"?.. Вот так, или что-то вроде этого, написал бы современный "средне-статистический" прозаик. И ни в жизнь ему — убежден — не додуматься до того слова, до которого — не додумался — а просто естественно пришел, потому что иначе он и писать не умеет, автор "Коня Рыжего" Алексей Черкасов — "пространственно".

Прочитайте на стр. 175-ой: "они все шли и шли берегом, и было так необычайно, первозданно тихо, и так тепло и пространственно!.."

Черт-те что за слово! Какая емкость в нем, какое насыщение, какая красота — и ведь вовсе не выдуманное, совершенно

естественное, простое слово. А Вознесенскому сто лет думать — ничего подобного не придумает...

Вчитайтесь внимательно в такой — в общем-то ни чем не отличный от других — кусок:

"Она сидит на деревянном стуле насупротив большого ничем не занавешенного окна. За окном, по горке — в багровом закате солнца — колючие кусты обленихи с необобранными ягодами. Ягоды лепятся прямо на веточках, как желтые коросточки. Сорвать бы хоть в горстку, покатать ледяные горошины на языке, чтоб сонность прошла. Неудобно же зевать перед инженером. Стол у окна — квадратный верстак, застланный фиброподобным листом. Книги, книги, бумаги, карандаши, микроскоп, какие-то пробирки в подставке, колбы на подоконнике, два бронзовых подсвечника с огарышами толстых восковых свечей, одна ~~рама~~^и окон с подтаявшим льдом по нижним стеклам, некрашенный и давно немытый пол из широких плах с чёрными щелями, забитыми грязью, еще один верстак у стены, маслянисто-желтые кедровые стружки, рубанки и фуганок на стене, сверла, долотья, стамески; на полу, возле верстака — наструганные доски для ульев, в углу, один на другом ульи "дадана-блатта" без крышек, у другой стены — деревянная самодельная кровать, пуховая подушка в батистовой наволочке с кружевами вокруг, узорчатое покрывало, на тумбочке рядом с кроватью, коробка папирос, чугунная пепельница, и тут же жестяная лампа... Над кроватью, на оленевых рогах, набор разных ружей, из которых, пожалуй, стреляли только на стендовых заводских испытаниях. За кроватью лыжи, подшитые камасом, палки с ременными петлями, подушубок на гвозде, шарф, башлык, собачья доха, ушастая шапка. За верстаком в углу —

беремя березовых дров сбочь кирпичной плиты. На плите - прокоптей чайник, кастрюли... Ян Виллисович поставил на стол перед Дуней фарфоровую тарелку с вырезанными сотами из рамки. По нарезам сотов желтый мед, пахнущий фацелией и доником..."/стр.286-7/

Прошу подсчитать количество предметных существительных в этом куске - сколько их?.. А какой же запас слов нужно иметь, чтобы не одну страницу так написать, а ... не знаю сколько потому что 510 страниц романа не стандартны!..

Мне никогда, за все время своей рецензентской работы, не приходилось встречать произведения, написанного таким языком, каким написан роман "Конь Рыжий".

Это - великолепный, без всяких преувеличений будет сказано язык, органически, без малейших натяжек совмещающий в одном художественном целом самые различные лексические пласти - от церковно-славянского до современного газетного где слова "насупротив" и "беремя" на-равных стоят рядом с "микроскопом" и " заводские испытания".

Великолепен и разговорный язык. Стихия казачьего сибирского говора времени Гражданской войны передана, надо думать, очень точно.

В настоящее время существует точка зрения, что точная передача разговорного языка, индивидуализация прямой речи персонажей возможна и необходима лишь "постольку-поскольку", иначе - натурализм... Думаю, это придумали лентяи, которые не хотят изучать разговорный язык, понимают, что индивидуализировать прямую речь дело трудное, ищут посему себе всякие "оправдательные теории".

А. Черкасову такие "теории" не нужны, поскольку язык персонажей он знает и умеет говорить этим языком.

Одно лишь замечание: мне кажется, что к концу романа, вернее, его первой книги - речь основного героя Ноя Васильевича Лебедя делается более литературной, нежели она была с самого начала. Но это, видимо, связано с известными неувязками в характеристике самого Ноя, о чем я скажу ниже...

Несколько слов о изобразительном мастерстве автора - "Несколько" потому, что по этому поводу, в сущности, надо писать исследование, прослеживая, как богатейший запас слов, совершенно свободное владение языком обуславливают художественную манеру автора.

Один лишь пример... Вот - казаки попадают на прием к Ленину. Поглядите, с каким великолепием это описывается:

"По тому, как вошли казаки и, замыкающим - вахмистр Лебедь, а Ленин сразу узнал его, перехватив его тревожный взгляд в сторону Сталина, и что один из казаков, в старой гимнастерке, без шапки, втянув голову в плечи, готов был, что называется, без команды поднять руки, Ленину стало понятно, что Иосиф Виссарионович успел поговорить с казаками..."

- Прошу, прошу, товарищи, - чуть прижимая "р", пригласил Ленин и протянул руку казаку без шапки - крайнему левому: - Ульянов Владимир Ильич.

Тщедушный казак будто сжался, чтобы сей момент нырнуть в собственные сапоги и там спрятаться..."/стр.147/

Прошу найти лучшие слова, чтобы описать растерянность - "чтобы сей момент нырнуть в собственные сапоги и там спрятаться"

Ниже мне придется сказать и о недостатках работы А. Черкасова, однако читая то, что будет сказано ниже, необходимо иметь в виду, что фактура всего огромного произведения А. Черкасова

истинно художественная - книга эта написана с редкой добросовестностью, абсолютно профессионально, и при рецензировании ее, собственно, и не должен обсуждаться тот вопрос, ради которого рукопись идается на рецензирование - печатать или не печатать? Все, что нужно писателю, автор знает и умеет, а если что-либо у него выходит не совсем гладко, то это потому, что задачи, которые он ставит сам перед собой, относятся не к области художественной арифметики, а к высшим областям, так сказать, литературной математики, где работы не оцениваются по-школьному и где работают уже не ученики, а - мастера...

Это обстоятельство нужно будет иметь в виду и редактору, которому придется редактировать рукопись А. Черкасова.

Содержание романа - чрезвычайно интересно. Автор рассказывает о начале Гражданской войны - о первой половине 1918 года. События начинаются с неудавшегося контрреволюционного восстания в конце января 1918 года; мы попадаем в Сибирский казачий сводный полк в Гатчине, знакомимся с основным героем повествования вахмистром Ноем Лебедем, присутствуем при разгроме казачьим полком, который контрреволюционерам не удалось склонить к восстанию, георгиевского женского батальона со станции Суйда. Затем - поездка членов Совета сводного полка во главе с Ноем Лебедем в Петроград, в Смольный, Знакомство и беседа с Лениным и членами Совнаркома. После этого казачий полк распускается, вахмистр Ной со спасенной им пулеметчицей женского батальона Дусей Юсковой едет в отпуск к себе на родину в Сибирь в Минусинский уезд, откуда родом и Дуся. Автор все подробно описывает - и неудавшееся восстание, и подавление его, и визит в Петроград, и дорогу

в Сибирь, и далее - события в Сибири. События в Сибири - главное в этой, первой книге "сказания". Сибирь показана с только что установившейся, еще не окрепнувшей советской властью, с очень шатким нейтралитетом сибирского казачества, которое всячески стараются подбить к выступлению против "большевиков, жидов и комиссаров" белогвардейские офицеры, бежавшие во множестве в Сибирь из центральных областей. К концу первой книги, с помощью чехословацкого корпуса, им это удается - и мы прощаемся с героями повествования, чтобы встретиться во второй книге, уже в обстановке охватившего всю Сибирь белогвардейского пожара.

В сущности, с точки зрения истории - автор ничего нового не рассказывает, но художественно - книга его и нова, и оригинальна, и чрезвычайно интересна. Читаешь ее от самого начала до последней страницы - как приключенческий роман: "а что дальше?..". В известной степени это, конечно, об'ясняется умением автора строить сюжет: - все время вводятся в повествование новые интересные герои с необычными, но продиктованным изменяющимися обстоятельствами, поворотами их судеб, - однако главное не в этом. Главное в том, что автор не только с большим художественным мастерством, как я говорил выше, изображает события и людей, - он еще и прекрасно владеет материалом и до такой степени проникся духом и пафосом изображаемого им времени, его драматизмом, что читатель полностью делается соучастником повествования.

О Гражданской войне у нас много написано и пишется, но очень и очень редко приходится читать произведение, сделанное на таком огромном, страстном эмоциональном накале, на котором сделан роман А. Черкасова. Перед нами словно бы трепещат, зады-

хаясь от предельного напряжения жизненных сил, любви, ненависти, животного бешенства, страстной идейной убежденности — огромный клубок человеческих судеб, истекающий кровью и слезами.

Литературным образцом в этом отношении является, конечно, роман М. Шолохова "Тихий Дон", — но мне кажется, что отдельные фигуры и отдельные ситуации "Коня Рыжего" сделаны сильнее, чем в "Тихом Доне".

"Тихий Дон" вспоминается не случайно, когда читаешь роман А. Черкасова. Основной герой вахмистр Ной Лебедь немало напоминает такого же мятущегося в обстановке Гражданской войны Григория Мелехова. В сущности, Лебедь это тот же социальный тип, что и Мелехов. И судьбы у них сложатся примерно одинаково, только если к концу трагедии Мелехов окажется в тупике, погибнет, то Ной Лебедь, как явствует из первых страниц книги, выйдет из заварухи в полном здравии — и физическом и духовном.

Естественно, поскольку написана только первая книга эпопеи и обрисовка характера главного героя еще далеко незакончена — делать какие-то окончательные выводы относительно Ноя Лебедя было бы преждевременно, но мне кажется, что образу этому уже сейчас нехватает некоторой психологической четкости.

Это мне и представляется основным недостатком романа.

Суть характера Ноя, мне кажется, лучше всего раскрывается на стр. 462 и далее, где Ной ведет со своим отцом разговор — подниматься или не подниматься против большевиков... Отец говорит сыну — "Соображение имеешь", и мне кажется, что вот это — "Соображение имеешь" — и составляет главное в характере Ноя. Он соображает, как ему действовать в складывающейся обстановке,

чтобы не дать промашки, чтобы не примкнуть к тем, кто не выигрывает войну - что бы, "не дай бог", не "выдернули ноги из задницы, тогда и глядеть-то не на что будет..." Ною, как я его понимаю, в сущности, "до лампочки" и белые и красные, и большевики и белогвардейцы - ему бы самому жить, как ему хочется, не конфликтую ни с какой властью, но обстановка все время складывается так, что - хочет он или не хочет - а ему все время, дабы сохранить все ту же драгоценную собственную голову, приходится принимать сторону то одних, то других. Повторяется та же история, что и с Григорием Мелеховым, с той однако существенной разницей, что если Мелехова, как натуру более впечатительную, более эмоциональную, противоречивость происходящих событий разрушает и внутренне, то Ноя Васильевича с такой глубиной события не затрагивают, он в своем лице представляет разряд среднего крестьянина более рассудительного, более хладнокровного, чем Мелехов, и если хотите - более эгоистичного.

Эта категория среднего крестьянства, думается мне, более многочислена, чем категория тех, кого представлял Мелехов, и до сих пор по-настоящему в нашей литературе еще не исследована. И насколько я понимаю, художник, берущийся за разработку образа вот такого Ноя Васильевича Лебедя, должен прежде всего остерегаться идеализации этого образа.

По-моему, А.Черкасов этой опасности не избежал, и довольно часто мы можем принять Ноя за того, кем он на самом деле не был и быть не мог... Вот едет он на пароходе /стр.491-ая/ и разговаривает с братом Иваном, художественно являющимся, конечно, откровенной схемой - и поучает брата начет большевистского билета: "дела верши, ежели мозги имеешь, высокие, большевицкие,

и когда такие дела свершишь, билет можешь носить открыто...". Кто все это говорит? Да тот самый Ной, который "соображение имеет" и который за это очень понравился своему отцу, люто ненавидевшему большевиков!.. А на стр. 477 уже от автора даются размышления Лебедя: "он успел уверовать в большевиков, понравился ему своей простотой и откровенностью Ленин..." Понравиться - понравился, но вот насчет тезиса "успех уверовать в большевиков" - сумлеюсь, как бы сказал тот же Ной Васильевич.

Ной Васильевич, так сказать, вихляет по жизни, - и к сожалению, "вихляет" и его характеристика, даваемая писателем. То он обясняет его поведение /в начале рукописи/ приверженностью к Библии, то потом об этой, казалось бы, важной черте героя - почти ни звука на протяжении всей рукописи до самого конца; то мы должны видеть - опять же в начале рукописи - едва ли ни девственника, то потом оказывается, что женщины у него были; то он - "соображение имеет", то толкует насчет партбилета... Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но четкой психологической характеристики у Ноя, по-моему, все же нет. Пока что этот образ выглядит клочковато; мозаично...

Не понимаю, почему вначале рукописи довольно репортажно описан бой казаков с "бабьим батальоном"?.. Неприятное впечатление оставляют сцены насилия казаками пленных батальонщиц и особенно - сцена насилия Дуси Юсковой, Секса много в "сказании", лично я против него ничего не имею, хотя и не думаю, что следовало, например, рассказывать, как Ной стаскивал с Селестины штанишки, - однако, полагаю, что в сцене насилия Дуси автор просто грешит против элементарного вкуса.

И еще одно замечание, которое, видимо, вызовет со стороны автора сопротивление, но не высказать которое я не могу, потому что просто не понимаю, зачем необходим, скажем, эпиграф к книге, взятый из гавайского гимна о сотворении мира, зачем нужна глава "Бытие огня вечного" /стр. 182 - 194/ с экскурсом в древнегреческую мифологию и с довольно лихим перескоком от нее к Революции 1917 года, и библейский слог при описании жизни Ленина - "И стало так... И сказал младший брат...", и зачем нужно такое же вступление - "Вначале был Человек, а потом Слово. И слово было добро и зло..."?.. Ежели это и есть то, о чём пишет автор в начале: "Думаем, что русским писателям не грешно искать истинно русскую форму для самовыражения", - то вряд ли эти иска-ния можно признать удачными.

И последнее. На стр. 2-ой читаем: "Над всеми названными сказаниями... я работал с Полиной Дмитриевной Москвитиной /Черка-ской/. Чьей работы оольше - чьих дум оольше - кому судить ?.." не ведаю, "кому судить", но странно как-то делается, когда в тексте читаешь "авторы" /"в простой крестьянской избе, а в т о р почтительно рассевшись на лавке..."/, а книга подписана одной фамилией...

Все, я кончил. Видимо, что-то из того, что я считаю недоделками, недостатками можно и исправить, а что-то нельзя, - но, право слово, рукопись такова, что даже если ее опубликовать и в том виде, в каком она представлена в издательство, никакого греха не будет: работа мастера и с недостатками останется рабо-той мастера.

По поручению издательства "Советская Россия"
кандидат филологических наук Ю. Белаш

Карт. гидрол. наук

F.O. Бенаш

от 3626

о „Сказании —

„Конь рогатый”

Анисим Чиркасова